

Александр Дорошенко

Дорога над морем

Фрагменты книги

...Когда Бог нарисовал дугу Одесского залива, Он вовсе не обрисовывал кромку живого и подвижного моря, но море под Его творящей рукой следовало красоте одесской бухты, береговой линии нашей души!

Он просто не смог удержаться, Бог, увидев красоту нашей одесской бухты.

Дуга нашего залива, над которым стал наш Город, окаймлена бульварами, переходящими друг в дружку, как взявшиеся за руки дети, – Приморским, Александровским, Лидерсовским и Французским.

Так можно обойти всю нашу одесскую бухту, – пройдя Приморский бульвар, спуститься и подняться по Карантинной балке, перейдя Таможенную площадь, потом Александровским, который мы создавали и ощущали как самый красивый городской бульвар, и так выйти к уютной и маленькой Ланжероновской площади, окаймленной шестиарочной аркадой, потом Лидерсовским бульваром, мимо Третьей гимназии, выйти к Пироговской улице и, ступив на Французский бульвар, так идти и идти до самой счастливой Аркадии.

А понизу береговой окантовкой лягут имена наших знаменитых пляжей – Ланжерона, Отрады, Малых и Средних Фонтанов, и так ты будешь идти и идти по дороге Счастья.

Чувство странное, это как бы иное пространство, неведомое, завлекающее, чтобы вовлечь, пойти там, зачарованным, даже зная, что назад уже не вернешься...

Фотография совершает чудо, любая, любого качества, умелая или не очень – она делает вырез, она вырезает прямоугольник видимого мира, и мир преобразается. Твой взгляд рассеивался, ты видел мир широким обезличивающим кругом, но вот щелчок камеры – и ты вместо леса деревьев видишь дерево и впервые его узнаешь, понимая, что оно особо и ни на какие деревья не похоже, ты видишь его неповторимое лицо, рисунок ветвей, полных живой жизни, и даже листик, выхваченный крупным масштабом, становится единственным из всех когда-либо на планете Земля живших листьев – у него особая форма, и жилки расположены особо, и он по-своему ведет себя на морском ветру.

Возьми два рядом живущих листика, взглядишь, и ты изучишься особенности и неповторимости мира, его фантастическому многообразию!

Мне страшно, что я при взгляде
на две одинаковые вещи
не замечаю, что они различны,
что каждая живет однажды.
Мне страшно, что я при взгляде
на две одинаковые вещи
не вижу, что они усердно
стараятся быть похожими.
Я вижу искаженный мир,
я слышу шепот заглушенных лир...

Мы выйдем с тобой погулять в лес
для рассмотрения ничтожных листьев,
мне жалко, что на этих листьях
я не увижу незаметных слов,

называющихся случай,
называющихся бессмертие,
называющихся вид основ.*

* Александр Введенский.

Можешь продолжить – ляг на траву под этим деревом и вглядись в пробегающего муравья, и дождись другого: они не похожи – всем, не только возрастом и размером, но побезкой, но характером – и там, где один пробежал мимо, второй остановится рассмотреть и подумать.

Это открытие мира, настоящее, чему бы тебя ни учили в школах и в книгах. Теперь ты обрел правильное видение мира. Только будь осторожен, не поднимай с этой целью глаза на людей – они неотличимы!

Прислушайся и различи

Когда в приморском городке
среди ночи пасмурной со скуки
окно раскроешь, вдалеке
прольются шепчущие звуки.

Прислушайся и различи
шум моря, дышащий на сушу,
оберегающий в ночи
ему внимающую душу.

Весь день невнятен шум морской,
но вот проходит день незванный,
позванивая, как пустой
стакан на полочке стеклянной.

И вновь в бессонной тишине
открой окно свое пошире,
и с морем ты наедине
в огромном и спокойном мире...

(В. Сирин) Владимир Набоков. Тихий шум. 7 июня 1926*

* Это одно из лучших стихотворений Владимира Набокова, и таких у него, подлинных, настоящих, утвержденных штампом вечности («оно заверено деревенским нотариусом на дубовом столе»), очень не много. Он это хорошо понимал,

Ах, это так верно, именно море открывает огромный и спокойный мир. Он лежит и покоится, как на ладони Бога, как в первые дни Творения, когда еще только-только Бог разъединил первоначально единую материю Бытия, когда вот так заискрилось и засверкало море, удивляя и вызывая зависть у родственников космических пространств...

Шум этот тихий и мощный.

Это говор, рокот, это язык, которому мы учились в детстве.

С тех самых пор он нас оберегает на путях жизни, и главное – не утратить слух. Днем он трудно различим, и только ночью, когда смолкает суета жизни, ты можешь различить этот голос – это только с тобою, лично с тобою говорит Бог!

От Ланжерона до Аркадии высоко над морем идет обольстительная дорога.

Слева море, оно теряется и находится в просвете деревьев.

Справа крутизна высокого одесского берегового откоса, на котором покоится городское плато.

И еще выше, на крутизне наших береговых склонов, лежит Город, его бульвары – Приморский, Александровский, Лидерсовский, Французский.

Это уцелевшее – когда-то в Эдеме все дороги были такими, и только у нас сохранилась такая дорога!

Французский бульвар. О чем он задумался? Что ему вспомнилось?

«В ознаменование последнего посещения Франции государем императором и государыней императрицей и в знак признательности французскому народу за оказанный их величествам радушный прием наименовать одну из улиц г. Одессы «Французской».

Из постановления Городской думы 11.09.1901

и поэтому о нем, о подлинном проявлении поэтического голоса, он так подробно пишет в письме (он написал его в Берлине и вложил в письмо к Вере Слоним, своей жене) – он хорошо понимал, что это стихотворение – голос с небес!

Слышишь – музыка!

Какую романтическую историю можно припомнить, – об этой лестнице, о балконе, о шелесте ночного дождя, прошумевшего ветвями и листьями в самом начале весны...

Какая удивительная цельность и соразмерность, выраженная в единой идее! Асимметрия придает всему зданию уравновешенность и достоинство, вторая башня придала бы всему оттенок нарочитой театральности, и трагедию превратила бы в фарс. Потому что симметрия это тупик и капкан.

Какая спокойная величественность!

Какое достойное время выражено в лице этого здания! И ты, ступив на эти входные ступени, изменишь шаг и жест, каким рука достает пачку сигарет. И лицо твое преобразится, – глянь на себя в зеркало, оно там, сразу за входными дверьми, в вестибюле –

и ты впервые поймешь, каким человеком и зачем именно ты пришел в этот удивительный мир.

До 1902 года он назывался Мало-Фонтанской и Старо-Аркадийской дорогой. Французским он назван в память посещения Николаем II Франции. В Париже тогда был открыт великолепный мост через Сену, названный именем Александра III и носящий это имя до сегодняшнего дня. Что тем французам память о русском царе-миротворце Александре? Но мы в советское время Французский бульвар переименовали в Пролетарский*.

Белый пароход у самой улицы. В него упирается переулок. Красные трубы, голубые звезды, капитаны.**

«Идя по Французскому бульвару по левой его стороне по направлению к 3-й гимназии, вдруг видели вы по левую руку переулок... В нем были и неуютные краски загона, коровьи грязно-коричневые краски, и один из заборов провисал в нем, наваливаясь как бы брюхом на прохожего, вместе с тем был этот переулок озарен синевой видного вдали моря. И так хотелось свернуть в этот переулок... Но всегда я спешил куда-то, все спешил! Так никогда и не свернул в этот переулок. Я думаю, что и до сих пор выглядит он так же...»

Там таких узких и немного извилистых переулков, если идешь по Французскому бульвару, много. Теперь они выглядят чище, на них выходят боковые стороны роскошных особняков нуворишей, поэтому они сплошь глядят заборами, и это не провалившиеся заборы, но надежные и высокие крепостные стены глухих оград. И ограды эти, в отличие от старых времен, теперь непрозрачны. Неважно – важно то, что вдали, в их самом конце, с Французского бульвара по-прежнему и всегда видна синева моря. Переулки эти заканчиваются высоким и крутым обрывом, теперь густо поросшим всякой зеленью и деревьями, там далеко и глубоко внизу песчаная полоса, которую неумоимо облизывает море. Выйдя на такой обрыв из глухого и узкого туннеля,

* Мало-Фонтанская дорога (1889 год), Французский бульвар (1902), Старо-Аркадийская дорога (1912), Пролетарский бульвар (1920), Французский бульвар (1941), Пролетарский бульвар (1944), Французский бульвар (1990).

** Илья Ильф. Записные книжки.

ты внезапно оказываешься на галерее театра, округлость которого рождена заливом, а чашей сцены служит море. Главное в этом театре простор и ветер с моря, удивлением поражающий тебя после застоявшегося воздуха переулка. И пьеса, которая здесь представляется, – это могучий текст и ничем не сдерживаемое действие... Идет она без антрактов, действие ее не кончается при твоей жизни, а текст суров и чудесен. Эта пьеса идет и тогда, когда ты вдалеке от сцены, в глубине Города или в дороге. Никогда не забывай – тебе место в этом театре дано бессрочно. Поэтому в эти переулки сворачивать вовсе не надо. Самое важное, что они могут дать тебе, неторопливо идущему Французским бульваром, – синеву моря в конце этого туннеля из дачных стен. И уверенность, что ты всегда еще успеешь в него, этот переулок, свернуть.

Где-то сразу после Пироговской ты странным и внезапным откровением обнаруживаешь новое свое состояние – закончился Город, и началось таинство светотени и бьющейся в берег морской волны, невидимой, но ощутимой.

Ты здесь иной.

Здесь сохранилась великолепная стремительная брусчатка. Узкая серая лента реки стремительно течет в широких берегах, и в нее глядятся дворцы. Как и в Венеции, здесь сильно все обветшало в прошедшем множестве лет. Река, как и положено, ограждена решетками – ведь она может выйти из берегов!

Решетки эти мечта и грезы, переведенные в металл и камень, и поэтому они живые, и живут, изменяясь, как мечталось создателям. Они, как выведенные на парад гвардейские полки, и у каждого свой строй и свой наряд:

Здесь стоят по квадрату
В ожиданье полки –
От Синода к Сенату,
Как четыре строки!

Александр Галич. Петербургский романс

Только за плечами у них уже ни Сената, ни Синода, ни тех, кто их сюда вывел, а новые командиры уже столетие как о них позабыли, и не знают солдаты, кого приветствовать и от кого защищать.

Навсегда захлопнулись створки кованых ажурных ворот, и даже дорога за ними, на которую они когда-то открывались, чтобы въехала карета или вошли люди, даже дороги этой уже стерлись следы. Ограда здесь идет широкой дугой, в ее центре проездные ворота и виден против них парадный вход дома. Понятно, что была здесь дорога, и вела она к этому входу, перед которым могла развернуться карета, – но потеряны навсегда следы дороги. А новые владельцы зачем-то стали ходить в обход, минуя ясный для людей путь, – может быть, они чего-то боялись и ходили так, чтобы остаться навсегда незамеченными? Странные люди...

Осталась застывшая в камне река, решетки ограждений еще стоят, когда-то так надежно поставленные здесь на века, и время с ними справиться не смогло. Другое дело люди, они во многих местах уже выломали решетки и таким их заменили пластинчато-сварным, убогим необычайно. Творчество требует великого напряжения сил души, и нужен, к тому же, талант, и как создать подобную красоту было непросто, так и такое уродство создать нужен был особый талант и склонность души!

Есть люди, лишённые чувства красоты, и это опасные люди. Они живут среди нас, притворяясь во всем людьми, но потеря этого чувства сродни преступлению – и ведет к деградации качества человека! У них чутьё на красоту и ненависть к ней.

А была там дача Маразли (в советский период санаторий Чкалова). Остались оранжерея и парк. В нем было множество мраморных скульптур, как в Летнем питерском саду. Их после революции разбросали по городским площадям, для культурного роста народных масс, и поэтому большая часть их погибла, и лишь несколько, замученных временем и людьми, калекками продолжают жить в Городе.

А вместо них поставили там стоять человека в зимнем полушубке с меховым воротником и в унтах – Чкалова, на самом летнем солнцепеке. Зимой ему тепло, но там безлюдные аллеи, а к лету появляются курортники, и ему вновь приходится потеть. Хорошая тема для курортной скульптуры. Поставили бы его в плавках и с пропеллером – хоть на один сезон!

В этом месте бульвар делает поворот.

Когда спустя время, сломав старую решетку и сдав ее в утиль-сырье (для роста благосостояния народа), решили вновь обнести санаторий решеткой, то ведь напротив, через дорогу глядя, могли они рассмотреть решетку ботанического сада, как идет она нескончаемой напряженной волной. Как же они это сумели: видеть такое – и такое сделать?!

За эти решетки лучше не заглядывать. Просто надо идти и идти в тени деревьев, и наблюдать, как солнечный лучик, самый-самый первый, весело играет с решеткой, пересчитывая ее стерженьки-струны, перескакивая с одного на другой, – так веселый мальчишка бежит домой из школы, он бежит вдоль решетки и ведет палкой по ее стержням, ударяя по ним, как по клавишам рояля, и поют эти клавиши, нисколько на него не обижаясь. У каждой решетки своя мелодия – замечали ли вы это в детстве, когда бежали с ней рядом?

Каменная ограда – арочная стена, над арками карниз, а в нем, как пешки под командой офицеров, поротно стоят балясинки, и над каждой аркой голова рычащего льва. Когда-то это были мощные красавцы львы, огненногривые, саблезубые, и прохожие обходили их стороной, чуть опасаясь... Сегодня они постарели, утратили глаза и зубы, и уже не рычат по утрам. У них закрыты теперь глаза...

...Утром, ранним, уже солнечным, но еще прохладным, идет человек по самой кромке пляжа. Волна набежит и отхлынет, обнажив мокрый песок, вот и остается место, куда поставить ногу.

Иду и играю с волнами в прятки.

Это ранняя весна, еще прохладно, но солнечно и чисто... Нет купальщиков, и стоит тишина – только ты и море, и еще утреннее солнце – оно поднимается из глубин моря, вымытое, тихое ото сна, спокойное – и видит тебя.

Первым, кого видит!

Идет человек, в старой и теплой куртке, в сухих ботинках, в теплом мягком кашне... Ему тепло и уютно, и нет нужды выгладеть нарядно или празднично, или как-то и для кого-то особо... Ты сейчас настоящий, такой как есть. Не перед кем рядиться – солнце знает и помнит тебя, настоящим.

...